

**Михаил Юрьевич
Байдаков –**

издатель альманаха
«Развитие и экономика»,
председатель правления
«Миллениум Банка»

**Сергей Николаевич
Белкин –**

главный редактор
альманаха и портала
«Развитие и экономика»

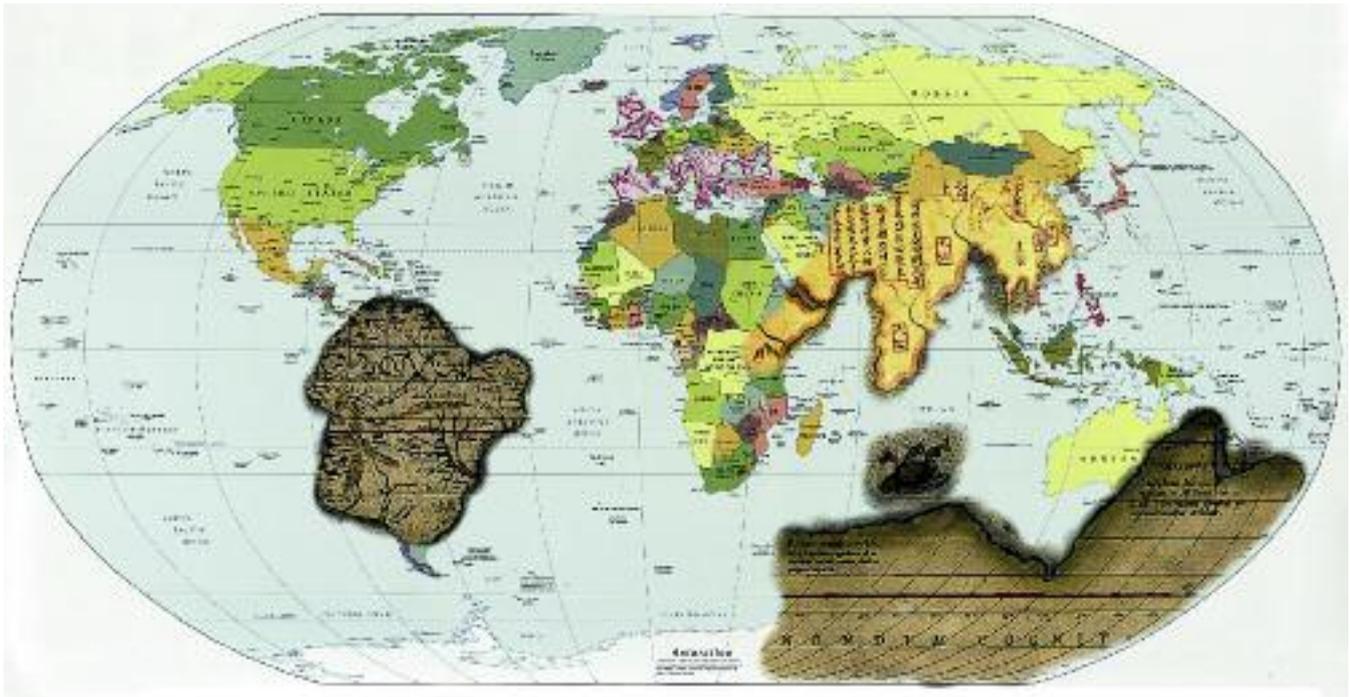
Россия в мире и мир в России

Не для игры в слова нам понадобилось обратиться к старой орфографии, в которой «мир» означал «невойну», а «мір» — вселенную, Ойкумену. Просто старая орфография позволяет выявить эти различия, когда бывает необходимо. При размышлении на тему «Россия в мире/міре» это становится необходимым.

«Мир» — это не только «невойна», но и «спокойствие», «умиротворенность», «благополучие». В общем, это то, чего мы желаем обрести и не терять для самих себя — да и для своей страны, потому что ощущаем и осознаем неразрывность своей жизни и судьбы с судьбой России. А жизнь и судьба России всегда была, есть и будет связана не только с тем, что делается в стране, но и с тем, что делается в окружающем «мире», и очень часто внешнее становится влиятельнее внутреннего. Впрочем, бывает и наоборот.

Жизнь мира как процесс

Мы вправе смотреть на мир как на целостную живую систему, сложный организм, претерпевающий огромное количество взаимосвязанных явлений, своего рода метаболизм, включающий, однако, и ментальные процессы, а также явления, традиционно относимые к эмоциональной сфере. Происходят непрерывные изменения внутренней структуры: появляются и исчезают государства и народы, меняются связи — умирают и развиваются языки и средства коммуникаций, формируются и затихают материальные (товары, сырье) и нематериальные (идеи, знания, верования) потоки. Для описания человечества используется множество параметров, отражающих разные грани бытия людей, поэтому приходится конструировать много разных систем координат. Говорится об этносах, нациях, государствах, цивилизациях, конфес-

сиях, культурах — все это и многое другое есть описание разных сторон бытия в разных координатах. Эти и многие другие стороны влияют друг на друга, сталкиваются, смешиваются. И естественно задать вопрос: для чего все это происходит, что в происходящем «хорошо», а что «плохо»? Можно ли просто «по факту» считать все происходящее «правильным» и, следовательно, — «развитием», закономерным движением к чему-то predeterminedенному? Или же ни цель, ни исход происходящего не predeterminedены, а зависят от свободных действий людей, каковые могут быть как «правильными», так и «неправильными»? Соответственно мир может как «развиваться», стремясь к какому-то более совершенному состоянию, так и деградировать, падая в состояние худшее, чем есть и чем возможно? Или же сама дуальная логика «верно-неверно» к оценке такого сложного процесса не может быть применена?

Не только ответ, но и сама рациональная постановка вопроса о «развитии мира», его целях и движущих силах в научном дискурсе остаются не-

Мы вправе смотреть на мир как на целостную живую систему, сложный организм, претерпевающий огромное количество взаимосвязанных явлений, своего рода метаболизм, включающий, однако, и ментальные процессы, а также явления, традиционно относимые к эмоциональной сфере. Происходят непрерывные изменения внутренней структуры: появляются и исчезают государства и народы, меняются связи — умирают и развиваются языки и средства коммуникаций, формируются и затихают материальные (товары, сырье) и нематериальные (идеи, знания, верования) потоки.

определенными. Ретроспективный взгляд на человеческую историю вызывает к жизни вопрос о существовании или отсутствии некоей конечной цели. Однако дать на него рациональный ответ пока не удастся. Только в рамках религиозных представлений эти вопросы поставлены четко, и на них даны ответы. Так, например, в христианской эсхатологии вопрос о конце мира описан вполне однозначно, столь же ясен и вопрос о «развитии», венцом которого явится установление «царства Божьего». Между тем религиозная метафизика не освобождает человека и его инструментарий — науку — от обязанности непрерывного постижения мира рациональным путем. Поскольку на коротких с исторической точки

зрения временных отрезков — столетиях и тысячелетиях — рациональная оценка событий окружающего мира, моделирование текущих и возможных процессов в природе и в обществе, выработка материальных стратегий собственной жизни и сопоставление ее с жизнью других являются обязательным и мощным средством движения как к земным, так и к небесным целям.

Одного желания человека размышлять о подобных вещах, вообще говоря, достаточно для оправдания размышлений. Но если заметить, что размышления о «правильном» и «неправильном» развитии самым непосредственным образом формируют социально-политические парадигмы — а значит, и образ жизни каждо-

Джотто. Страшный суд. Капелла Скровеньи в Падуе. Около 1305 года

Ретроспективный взгляд на человеческую историю вызывает к жизни вопрос о существовании или отсутствии некой конечной цели. Однако дать на него рациональный ответ пока не удастся. Только в рамках религиозных представлений эти вопросы поставлены четко, и на них даны ответы. Так, например, в христианской эсхатологии вопрос о конце мира описан вполне однозначно. Между тем религиозная метафизика не освобождает человека и его инструментарий – науку – от обязанности непрерывного постижения мира рациональным путем.

го народа, каждого человека, — становится ясно, что рациональный анализ этих сложных проблем жизненно необходим каждому народу, стремимому сберечь свои ценности от их возможной утраты. Поэтому на видимом отрезке современной истории мы при планировании будущего должны принимать во внимание

происходящее с нашей страной с точки зрения желаемого благого результата, чаемой благой цели — такой, какой мы ее себе представляем и формулируем, имея в виду народ своей страны, всех людей, их материальную и духовную жизнь. Но пытаясь сформулировать цель развития, благоую для всех, мы сталкиваемся со

сложностью, потому что не все люди в нашей стране одинаково понимают собственное и общественное благо. Поэтому установление мира (здесь уже не мира) в нашей стране не является простой задачей. Но решать ее надо, ибо иначе «мировой метаболизм» разрушит нашу слабеющую, раздираемую внутренними противоречиями структурную форму — государство, — разберет ее на части для использования уже в своих структурных формах. В результате произойдет утрата живой духовной составляющей бытия народа. Человечество не «просто живет», воспроизводя и приумножая себя как биологический вид, а самореализует себя в духовном и интеллектуальном измерениях. Именно в этом измерении у каждой культуры имеются своя роль и свой путь к своим целям.

Война моделей

Предметом исследования развития, которому посвящен альманах, является весь «мир», все человеческое сообщество, рассматриваемое в целом и во взаимодействии собственных частей. Части целого могут быть структурированы по различным признакам и основаниям: государства, народы, типы обществ, цивилизации и т.д. Внутренняя структура «мира-как-целого» претерпевает непрерывные трансформации, слияния и поглощения, смены политических установок и экономических моделей. Мы настойчиво задаем принципиальный вопрос: какие из наблюдаемых изменений следует считать развитием, а какие — тупиковыми ветвями, деградацией или торможением развития. Как, по каким критериям изменения и трансформации, происходящие в мире на протяжении тысячелетий известной нам истории, могут быть нами оценены

с точки зрения «развития» и «неразвития»? Существует ли некая общая для всего человечества «цель развития» и каковы в таком случае критерии отбора, классификации различных социально-экономических моделей, применяемых разными странами в разные периоды своей истории? А ведь ответа на этот важнейший вопрос нет. Отсутствие научно обоснованных критериев позволяет в этом вопросе царить полнейшей политической вакханалии, агитационно-пропагандистскому произволу, превозносящему ту или иную социально-политическую парадигму жизнеустройства в качестве «самой лучшей».

По-видимому, нет оснований считать, что существует предпочтительная для всех модель жизнеустройства. Однако есть основания утверждать, что между различными моделями идет не просто конкуренция, а война на уничтожение. То, что на каком-то отрезке истории одна модель оказывается сильнее других — в военном или экономическом отношении, — не может служить аргументом в пользу того, что она и есть «самая лучшая». Сильная модель приносит «пользу» тем немногим, которые смогут воспользоваться победой. Именно такой исход «победители» считают справедливым, оправдывая его «естественной борьбой за существование».

Хочется, однако, отстоять не только многообразие моделей, но и возможность их дальнейшего конструирования, а сегодня для этого надо препятствовать полному и необратимому поглощению одной моделью бытия всех других.

История помнит много разных способов жизнеустройства. Например, рабовладение — феодализм — капитализм — социализм — так описывает трансформации мира

марксизм (исторический материализм), постулируя это движение как развитие, причем определяемое объективными факторами (борьба классов) и имеющее объективно (?) заданную цель — коммунизм. Основываясь на именно так понимаемом развитии, Россия в советской стадии своей истории формировала собственную стратегию бытия, исходя из этого, оценивала окружающий мир и вырабатывала соответствующую внешнюю политику.

Политическая элита современной России, отбросив марксистский подход, не выработала ему замены, которая адекватно отражала бы стоящие перед страной исторические задачи. Она и сами эти исторические задачи не осознала, подменив их лозунгами о частностях — не «куда пойти?», а «что надеть?», — проведя четверть века в болтовне на отрезке от «больше демократии, больше социализма» до «вхождения в цивилизованный мир». Мир же — в лице стран-лидеров, задающих модель жизнеустройства, — тем временем не метался в поисках стратегии бытия, оставаясь нацеленным на собственные ориентиры как в духовном, так и в материальном измерениях. И в том и в другом измерениях Россия рассматривалась как помеха и как потенциальная добыча.

Ценностная безопасность

Часто рассуждения о «месте России в мире» сводятся к анализу взаимовлияний экономик России и остального мира. В последнее время, однако, все больше внимания уделяется духовным особенностям и взаимосвязям. При напоминании о месте России в мировой культуре все согласно кивают головами и вспоминают имена Толстого, Достоевского, Чайковского и т.п.,

но как актуальную проблему практической стратегии государства национальную культуру — тем более национальную метафизику — не рассматривают. Речь же, на наш взгляд, надо вести о месте и судьбе современной российской культуры, науки, духовности среди высших приоритетов государства. Они должны быть идеалами государства. Ради не только их сохранения, но и свободного развития нужна и экономика — как один из инструментов, обеспечивающих наряду с армией и политическими институтами безопасное существование и сбережение национального ценностного мира. Однако экономика, возведенная в высший приоритет жизнедеятельности, становится инструментом насыщения алчности узкого круга бенефициаров, а в духовном смысле возвращает нас к библейской притче о поклонении золотому тельцу. Личное благополучие ограниченного числа выгодоприобретателей неспособно обеспечить сохранение и сбережение культурных, духовных ценностей народа в целом и его жизненного уклада. Периодические приступы благотворительности — ненадежный и недостаточный механизм национального развития. Это прерогатива и обязанность государства, осознающего свою ответственность за сберегаемую и развиваемую в его пространстве культуру. Стратегический выбор модели развития должен оцениваться сквозь призму сохранения и развития национальной культуры, духовности, нематериальных ценностей. В связи с этим мы предлагаем рассмотреть понятие ценностной безопасности.

Ценностная безопасность — это комплекс мер, направленных на охранение непротиворечивых систем ценностей, существующих у народов стра-

История помнит много разных способов жизнеустройства. Например, рабовладение—феодализм—капитализм—социализм – так описывает трансформации мира марксизм (исторический материализм), постулируя это движение как развитие, причем определяемое объективными факторами (борьба классов) и имеющее объективно (?) заданную цель – коммунизм. Основываясь на именно так понимаемом развитии, Россия в советской стадии своей истории формировала собственную стратегию бытия, исходя из этого, оценивала окружающий мир и вырабатывала соответствующую внешнюю политику.

ны. Чтобы их можно было охранять, они должны быть осознаны и сформулированы как непротиворечивые ценностные системы. Ценностные системы складываются в результате стремления к целям, цели же осознаются как направления движения к идеалам. У разных слоев населения формируются свои идеалы, цели и ценности. Эти слои населения перемешиваются, взаимопроникают. Так, например, православный или мусульманин может быть, с точки зрения взглядов на политическое устройство России, монархистом, демокра-

том либерального или коммунистического толка, анархистом и т.д. Идеалы, ценности и цели, соответствующие каждому из этих аспектов, взаимодействуют друг с другом, иногда находят компромисс, а иногда вступают в непримиримые противоречия. Если противоречия «примиримы», то есть компромисс обретается, такое взаимодействие систем следует считать непротиворечивым. Непротиворечивое взаимодействие и сосуществование ценностных систем следует считать благом, если оно не только не разрушает ценностные ядра

друг друга, но и способствует сохранению целостности общей структуры – государства. Задачи ценностной безопасности состоят в том, чтобы обеспечивать свободное, беспрепятственное развитие мысли в любом направлении, вовремя замечать зарождение угроз свободе мысли, тем более не допускать доминирования такой системы ценностей, которая непосредственно или опосредованно разрушает фундаментальный жизненный базис, основы бытия народа. К таким ценностям относятся в том числе религиозные и светские духовно-нравственные идеалы, представления о справедливости, позитивная историческая память, а также устойчивые особенности психического склада, менталитета народа. Наибольшую опасность представляют опосредованные воздействия на ценностный мир, возникающие в результате следования таким политико-экономическим

Жозеф Никола Робер-Флери. «И все-таки она вертится!» 1847 год

стратегиям, которые на словах и в формально-правовой сфере не несут угрозы, а на практике порождают неотвратимое разрушение базовых ценностей.

Ценностная безопасность — это знание и умение вовремя распознавать и нейтрализовать те образы и идеалы, те нравственные ориентиры, те эстетические нормы, те политические цели, те экономические модели, те образцы личного преуспевания, которые наносят или нанесут в будущем урон базовым ценностям народов, образующих государство и являющихся источником власти в нем.

Ценностная безопасность — это спасение духа народа, его святая святых, его сакральных смыслов существования. Дух существует в народе, а народ живет в государстве. Государство может быть лучшим или худшим — по отношению к духу народа, — но его утрата всегда есть не только политико-экономическая, но и ду-

Задачи ценностной безопасности состоят в том, чтобы обеспечивать свободное развитие мысли в любом направлении, вовремя замечать зарождение угроз свободе мысли, тем более не допускать доминирования такой системы ценностей, которая непосредственно или опосредованно разрушает фундаментальный жизненный базис, основы бытия народа. К таким ценностям относятся в том числе религиозные и светские духовно-нравственные идеалы, представления о справедливости, позитивная историческая память, а также устойчивые особенности психического склада, менталитета народа.

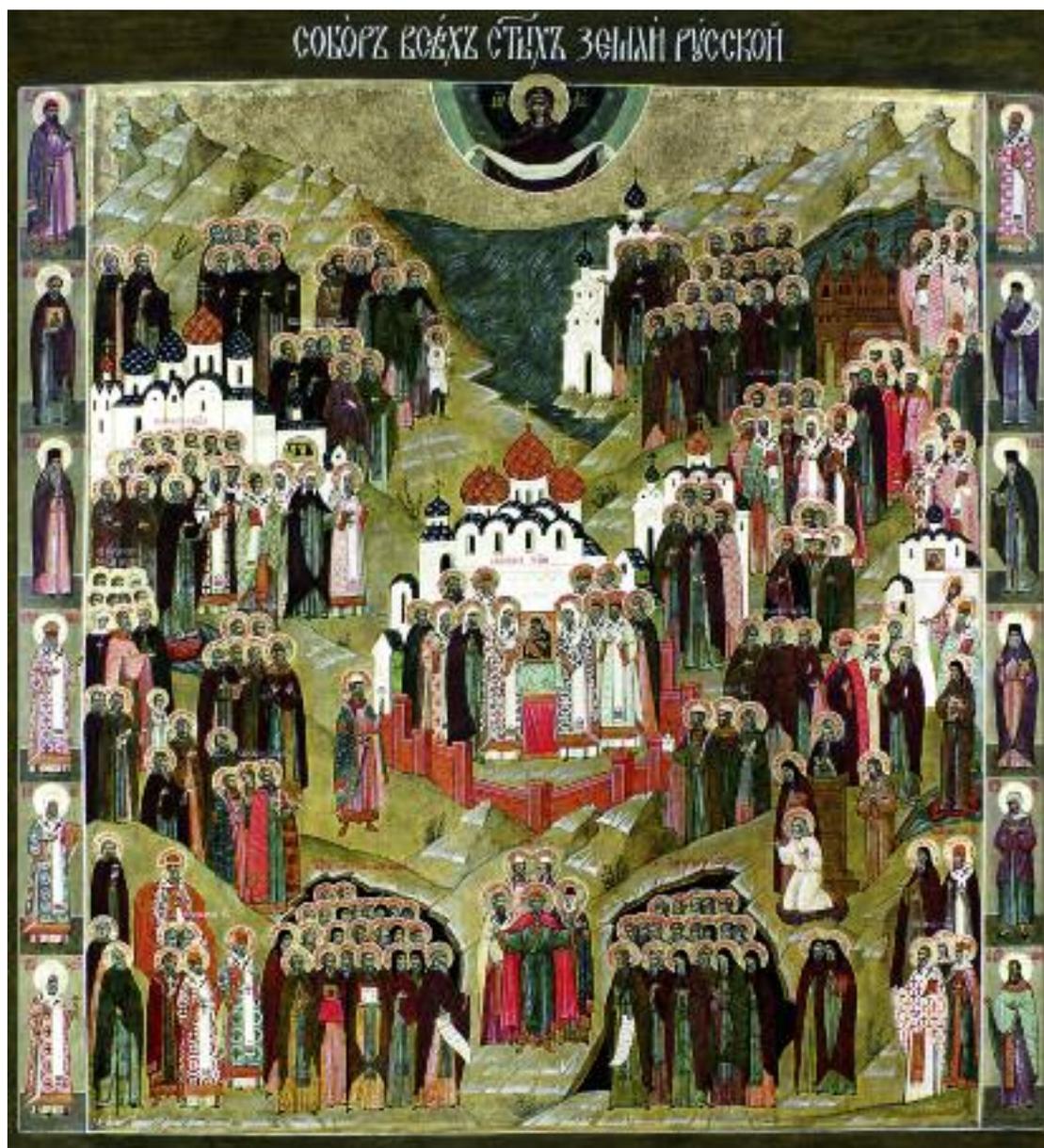
ховная катастрофа.

Ценностная безопасность — это высший приоритет, высший смысл государственной безопасности.

Ценностная безопасность — как доктрина и как система государственного управления — должна стать важнейшей частью публичной политики и стратегии развития страны.

Практический опыт внедрения в России либеральной экономической доктрины западного типа, опирающейся на соответствующее правовое поле и систему властных институтов, на соответствующим образом сгенерированное культурно-информационное

пространство, приводит к тяжелому конфликту с базовыми ценностями большинства населения. В результате мы сегодня живем в условиях холодной гражданской войны, причем государство выступает преимущественно на одной стороне конфликта, что выражается в настойчивом внедрении определенной экономической парадигмы, побочное, но неотъемлемое свойство которой — разрушение базовых ценностей в духовной сфере большинства народа, выраженных в непротиворечивой системе ценностей. Это разрушительное противостояние должно быть прекращено,

Россия – страна, где традиционно, на протяжении веков воспроизводятся люди с преобладанием тяги к коллективизму, соборности. Важно неустанно подчеркивать, что коллективизм может быть инструментом развития, может быть положен в основу модели бытия. Не надо с ним бороться, его надо использовать, на него опираться. Индивидуалисты – которые всегда были, есть и будут в русском обществе – тоже необходимы, в том числе и в рамках коллективистской модели.

экономическая доктрина должна следовать за фундаментальными идеалами и ценностями народа, а не пытаться их «модернизировать» путем уничтожения. Неслучайно проводники западных ценностей у нас в стране настойчиво говорят о необходимости изменения менталитета наро-

да, потому что с «этим народом» никак не построить демократии западного извода. Холодная гражданская война отличается от «обычной» тем, что люди друг друга не убивают физически, но делают именно это в духовном отношении. Чем большее количество «этого народа» будет

мыслить и чувствовать по внедряемым шаблонам, тем ближе победа одной из сторон, тем полнее исчезновение народа, веками создавшего и страну, и ее духовную культуру. Это и есть разрушение духа народа из-за отсутствия так и не созданной ценностной безопасности.

Россия – страна, где традиционно, на протяжении веков воспроизводятся люди с преобладанием тяги к коллективизму, соборности. Важно неустанно подчеркивать, что коллективизм может быть инструментом развития, может быть положен в основу модели бытия. Не надо с ним бо-

роться, его надо использовать, на него опираться. Индивидуалисты — которые всегда были, есть и будут в русском обществе — тоже необходимы, в том числе и в рамках коллективистской модели. Русский традиционный менталитет никогда не отрицал ни индивидуализма как личной особенности, ни фактического неравенства — интеллектуального, имущественного и всякого иного. Разной мерой чести и почитания наш народ удостаивал своих сограждан, тем самым не просто признавая, но и формируя неравенство. Только неравенство это должно быть справедливым: честь по уму, по таланту, по трудолюбию, по праведности. А равенство возможностей дано для построения справедливого неравенства, а не для стяжания личного богатства, являющегося к тому же мерилем успеха — как у других народов, в других социально-экономических системах.

Разномыслие, приверженность разным ценностям — было, есть и будет свойством России, ее ресурсом развития. При этом Россия — не «плавильный котел», а генератор смыслов. Попытки заставить всех иметь совпадающее мнение по важнейшим вопросам бытия никогда не имели успеха и всегда заканчивались лишь ростом взаимной ожесточенности. Как страны вправе выбирать собственные модели развития, так и люди могут и должны иметь разные представления о своем и всеобщем благе. Можно и нужно видеть и познавать другие способы жизнеустройства, естественно предлагать то, что нравится, к применению в своей стране. Обмен идеями есть благо. Но при одном условии: не будет благим внедрение таких социально-политических моделей, при котором существенным образом разрушают-

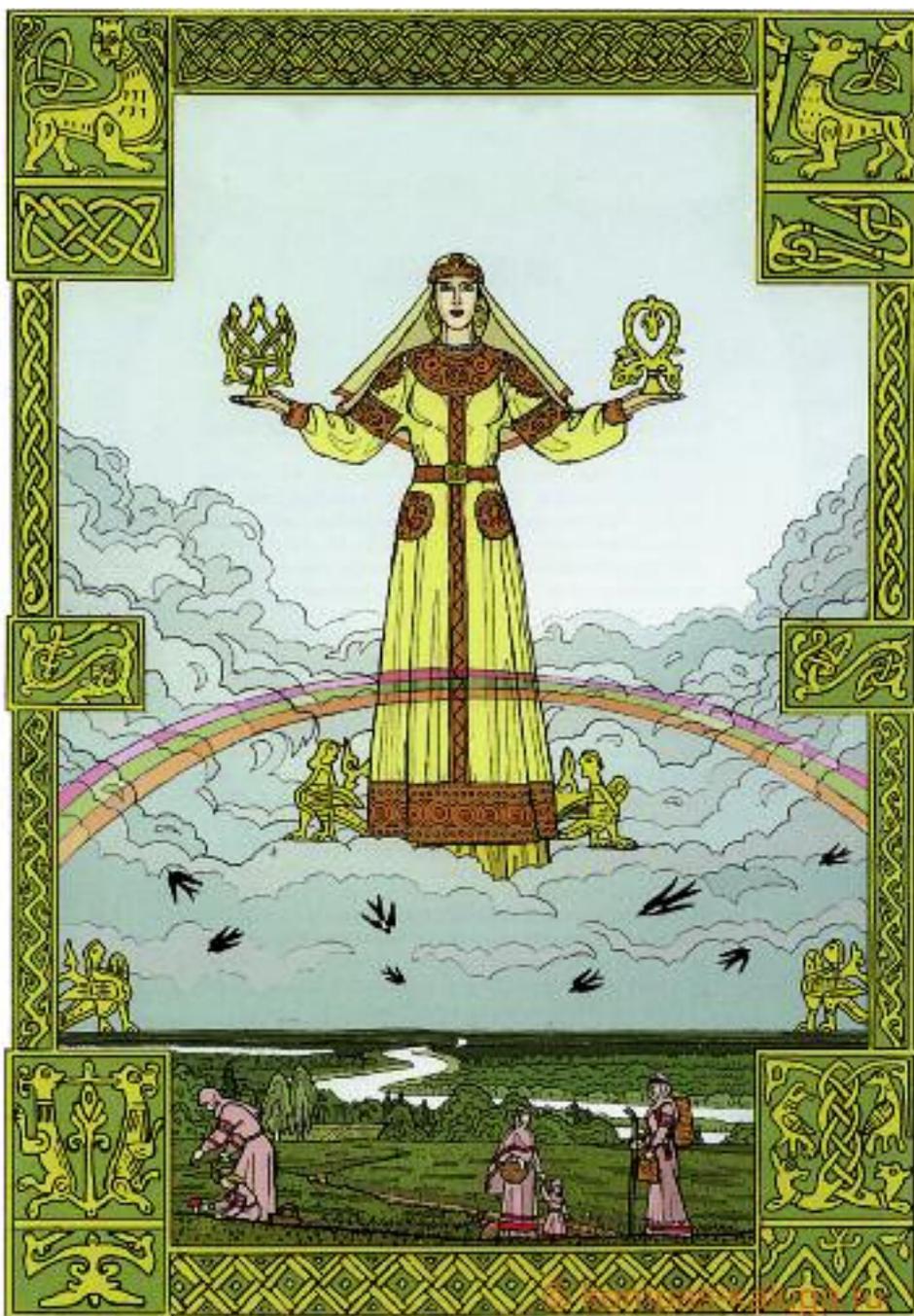
ся фундаментальные ценности ядра народа, его устойчивые идеалы и особенности ментального склада. Так, например, строительство социализма в СССР — модели, нацеленной на социальную справедливость, направленной на общее благо, — потребовало разрушения многих идеалов собственной истории, утраты осознания метафизики бытия через отказ от религиозных ценностей. Утверждая справедливость для одних, оно обрушило предельную несправедливость на значительную часть общества. Социализм в СССР стал не результатом развития лучших черт предшествующей модели — пусть даже и революционным путем. Он строился на основе принципиального разрушения «старого мира». Это не привело к исчезновению народа, поскольку возникшее государство приняло на себя ответственность за его сохранение, в том числе и за сохранение неотвергнутых частей духовной культуры. Но тяжелый урон ценностному ядру был нанесен, что, в конце концов, сформировало глубинное противоречие, приведшее к прекращению социалистического эксперимента, распаду государства и критически опасному откату, отказу от несомненных достижений и позитивных результатов. Сегодня же Россия попала под влияние смертельно опасного стремления к тотальному заимствованию чужого опыта и столь же тотального отрицания собственного. Длительное одновременное воздействие этих двух факторов страна не переживет.

Свой путь

Есть ли основания для утверждения: не может быть единственной правильной для всех стран модели развития? Или правы те, которые говорят, что такой путь есть, и это путь англосаксонской западной ци-

вилизации, достигшей очевидного мирового лидерства? Считается, что этот способ жизнеустройства основан на самых передовых достижениях человеческой мысли, к нему надо стремиться всем, которые могут его осилить, а те, которые еще на него не встали, — отстают или заблуждаются. Полагаем, что ответ на этот вопрос лежит там же, где лежит ответ на вопрос: что есть развитие? Если под развитием понимать экономический рост, то можно, применив модели экономически успешных стран, просто погубить собственную культуру, утратить свои ценности и в конечном счете исчезнуть как народ. Если под развитием понимать движение общества к наиболее полному воплощению системы ценностей, выработанной на протяжении всего своего существования и осознаваемой как историческое предназначение, то и сконструированная для обеспечения этого процесса социально-экономическая модель должна быть совершенно индивидуальна. Нет общей для всех «правильной» модели развития, у каждого народа — свой путь, свои цели и своя модель развития. Разумеется, многие черты таких великих моделей, как капитализм и социализм, имеют значение для всего мира, многие найденные в рамках этих моделей технологии, способы управления, механизмы формирования стратегий и целеполагания служат образцами для подражания у всех стран и народов и могут ими заимствоваться как элементы собственного жизнеустройства.

От России, впервые воплотившей на практике социалистическую модель как первый в мировой истории опыт проектирования и управления общественными процессами и впервые остановившей собственный опыт, следу-

Рационально исчисленные критерии и признаки развития – не только экономики, но и культуры – неспособны уловить то самое ускользящее качество, которое пытаются описать словами «загадочная русская душа» и «Небесная Россия», слитыми, на самом деле, воедино. Действительно, язык музыки и поэзии описывает это лучше, чем язык науки. «Если кликнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!» – я скажу: «Не надо рая, дайте Родину мою!»» – так выразил эту слиянность гениальный Есенин, поэт исключительной провидческой метафизической мощи.

ет ожидать нового прорыва в будущее. Только Россия может использовать собственные уроки и учитывать собствен-

ные ошибки, потому что для создания социальных моделей нужны не только сухой расчет и строгое соблюдение

технологической карты, но также то, что называют памятью сердца, эмоциональным инструментарием, чувственными критериями, метафизическим мышлением.

Взаимодействие России с внешним миром дает все основания утверждать, что зарубежные страны не проявляют заинтересованности к разработке и внедрению в России собственной модели развития. Все силы – прямые и косвенные – брошены на то, чтобы Россия встала на путь именно западной политико-экономической парадигмы. Многие политические, общественные и даже научные организации нашей страны и зарубежья весьма энергично проводят многолетнюю пропагандистскую кампанию по дискредитации всяких попыток поиска наилучшей для России модели развития. Политики и ученые, предлагающие двигаться в «патриотическом» направлении, упорно дискредитируются и ошельмовываются. Отказ высшего политического эшелона власти от формирования собственной модели развития и выработки соответствующих критериев является наиболее опасным фактором общественного раскола и дегенеративных изменений во всех аспектах жизнеустройства. Сегодня Россию и свои, и чужие приговаривают не только к унижительной роли придатка мировой экономики, но и к роли свалки отходов в сферах культуры, науки, образования. России следует ставить собственные цели и анализировать свою мировую роль в разных плоскостях. Если в экономическом отношении Россия в обозримом будущем будет скорее всего не более чем фактором регионального значения, то в политическом и духовном отношении ее роль должна быть планетарной. Прорыв к этой роли может

быть осуществлен путем разработки и воплощения в жизнь оригинальной социально-экономической и социально-политической модели жизнеустройства — такой модели, которая адекватно отвечала бы на вызовы современного мира, оставаясь привлекательной как для собственных граждан, так и для народов других стран. Но самое главное в этой модели — любовь к России.

Любовь к России

Вполне вероятно, что нам скажут: «Любовь не относится к категориям экономики и политологии, оставьте это поэтам, музыкантам, художникам». Коли так — тем хуже для политологии и экономики. Если не учитывать любовь русских к России, невозможно рассчитывать на успех при внедрении какой угодно социально-политической системы в нашей стране. И это вопрос принципиальной важности. Попытка понять и сформулировать, что есть развитие применительно к России, неполна и бесперспективна, если наряду с рациональным постижением причинно-следственных связей внутри общественных процессов не «включить» в осмысление метафизически-таинственную любовь русских к своей Родине.

Важно хотя бы попытаться осознать, что русские — в основной своей массе — любят Россию не за что-то, а просто так. Они любили Россию и при царе, и при коммунистах, любили ее даже при Ельцине, любят и теперь. Любят так, что отдавали, отдают и будут отдавать и свои жизни, и жизни своих детей «за Родину». Не за монархию, демократию или либерализм, не за «ВВП на душу населения», не за хорошие дома, дороги, пляжи, автомобили, 400 сортов пива и сыра, не за «права человека» — а «за Россию»... Есть, впрочем,

и другие русские, не наделенные сердечным даром любви к ней. Для них, ясно, что 400 сортов пива в два раза лучше, чем всего лишь 200 сортов. Одни из них уезжают в другие страны, другие клянут свою судьбу, оставаясь здесь, третьи пытаются переделать русский народ. Их основные претензии — именно к народу. Потому что они не понимают ни природы любви к Родине, ни ее силы. Они пытаются рациональной мерой измерить мистическое. И быстро приходят к ложным выводам, оформляя их в нарочито оскорбительной форме: «Россия — тысячелетняя раба», «русский всегда тоскует по сильной руке и жаждет ее» и т.п.

Рационально исчисленные критерии и признаки развития — не только экономики, но и культуры — неспособны уловить то самое ускользающее качество, которое пытаются описать словами «загадочная русская душа» и «Небесная Россия», слитыми, на самом деле, воедино. Действительно, язык музыки и поэзии описывает это лучше, чем язык науки. «Если кликнет рать святая: “Кинь ты Русь, живи в раю!” — я скажу: “Не надо рая, дайте Родину мою!”» — так выразил эту слиянность гениальный Есенин, поэт исключительной провидческой метафизической мощи. Русские любят Россию — как страну, как землю, о которой говорят «мать сыра земля», — да-да, именно землю как пространство, как природу, как то место во вселенной, где была дарована собственная вечная душа, а вовсе не как политико-экономический строй, определенный уровень жизни, а также лежащие в недрах нефть, газ, алмазы и золото. Другой русский гений — Блок — писал так: «Россия, нищая Россия, мне избы серые твои, твои мне песни ветровые — как слезы первые любви!» Неброс-

кая русская природа, долгая зима, скудный быт, тоска и грусть, печаль и слезы — все это странным, мистическим образом рождает в русской душе любовь такой силы, такой тотальной самоотверженности, готовности умереть за свою землю, что всякая попытка постичь эту привязанность путем рационального подсчета человеком посторонним оборачивается для него недоумением. Недоумение рождает неприятие, неприятие рождает неприязнь... Неприязненный дурак спросит, прочитав сказанное: «Так вы, значит, призываете к “серым избам”, плохим дорогам, к отсталости?» Что ответить ему?..

Русские, любящие Россию, должны, наконец, ясно осознать свои отличия от русских, не любящих ее, осознать отличия на рациональном уровне и ощутить их на образном и метафизическом. А осознав и ощутив, увидеть как зону возможного компромисса, так и грань, за которую отступать нельзя, ощутить сферу сакрального чувства, повреждение которого есть гибель и физическая, и духовная. Но и этого мало. Россия заиклилась в порочных кругах, ведущих ее к гибели: это «бес нас водит, видно, да кружит по сторонам». Вырвать из этого порочного круга перебора вариантов почти вслепую может не столько ум, сколько сердце. Только сильная бескорыстная любовь к Отечеству может дать энергетический взрыв необходимой «богатырски трезвой» силы и осуществить метафизический, духовный прорыв России в новое благое качество.

Россия — земная и Небесная — есть духовная кладовая мира, а мы не только ее наследники, хранители, но и создатели. Должны быть создателями. А мы покамест больше созерцатели. ☪